

но, что это прогнозирование оказывается верным примерно в 50% случаев, но чтобы узнать, та ли это на самом деле, необходимы специальные исследования. Тем более они необходимы для поднятия самого прогнозирования с эмпирического уровня на уровень научной обоснованности. Однако представляется, что в выработке концептуальных предпосылок таких исследований, не говоря уже об их конкретной методике, этнопсихология не только в нашей стране, но и во всем мире в целом делает лишь первые шаги.

И. М. Кузнецов

ОБ ОБЫДЕННЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

В статье А. Ф. Дашдамирова и в выступлениях участников «круглого стола» ставились преимущественно некоторые психологические проблемы в свете этнографической науки. Видимо, полезно будет предложить для обсуждения сюжет, непосредственно связанный с исследованием этнических культур, но под углом зрения понятий социальной психологии.

Однако вначале хотелось бы сказать несколько слов о сложившихся взглядах на этнопсихологическую проблематику в целом. Здесь нельзя не согласиться с мнением И. С. Кона о том, что исследование в новой области должно либо основываться на четком определении этой новой области, либо на выделении тех вопросов, которые необходимо решать. Имеющийся опыт определения и изучения «национального характера» показывает, что первый из названных подходов к исследованию не свободен от ошибок, по крайней мере логических. В самом деле, одним из существенных, если не главным, стимулом для развития этнопсихологических исследований служат существующие в области обыденного сознания представления о том, что члены разных этнических групп отличаются друг от друга психологически: по темпераменту, способностям, чертам характера. Здесь важно отметить, что такие представления (как, впрочем, и многие другие суждения, исходящие из обыденного опыта) не столько описывают какие-то непосредственно наблюдаемые особенности поведения людей, принадлежащих к разным этническим группам, сколько дают уже готовое объяснение этим особенностям. Поведение отдельного человека принято объяснять наличием или отсутствием у него определенных личностных качеств и способностей. Эта привычная схема и применяется для объяснения особенностей поведения «иностранцев». И здесь, мне кажется, некоторые исследователи пошли на поводу у «здравого смысла», приняв без дальнейших доказательств, что этнические особенности в поведении обусловлены именно особой психологией. Иначе говоря, за исходный пункт берется словосочетание «национальный характер» в его повседневном, общеупотребительном (преимущественно личностном) значении; в научном обиходе это значение постепенно и незаметно замещается научным психологическим понятием «характер» и, исходя из структуры этого понятия, выделяется объект исследования — «национальный характер». Таким образом, если не в целом, то во многих своих аспектах определение объекта исследования основывается не на научной проверке распространенных представлений (тех же межэтнических стереотипов), а на имплицитном принятии этих представлений в качестве объективного научного факта. И поэтому не случайно результат такого рода исследований, как отмечал Т. Шибутани, «несмотря на наукообразные формы... во многом подобен респектабельному межэтническому стереотипу» \

¹ Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс. 1969, с. 447.

Одна из существенных ошибок, идущая от представлений «наивной психологии» здравого смысла, состоит в том, что явления *групповой психологии* иногда исследуются в терминах *индивидуально-личностных* переменных и с использованием методик исследования личности. Если вполне правомерно говорить о психологии группы, и этнической группы в частности, то попытка представить эту группу в виде абстрактной «среднестатистической» личности со «среднестатистическими» индивидуальными качествами в высшей степени сомнительна.

Так или иначе, представления об особой этнической психологии существуют в обыденном сознании. И если нельзя полностью доверять содержанию этих представлений, то полезно по крайней мере задать вопрос: каковы вообще возможные причины появления таких представлений? Скорее всего это вопрос к той области социальной психологии, которая занимается процессом межличностного восприятия.

Здесь нет возможности подробно разбирать этот процесс. Но для предварительных выводов достаточно рассмотреть его предельно упрощенную схему, согласно которой представление об особой психологии будет формироваться у наблюдателя, когда он в достаточно привычной, стандартной ситуации видит постоянно повторяющуюся необычную, нестандартную для него манеру поведения и «прочитывает» психологический подтекст этого поведения в соответствии со своей системой значений. В процессе восприятия другого человека устанавливается взаимно однозначное соответствие между наблюдаемым поведением этого другого и его личностными качествами. В социальной психологии это явление названо «казуальной атрибуцией»². Основой для выводов о качествах личности в связи с его поведением является определенная система представлений о человеке вообще, чертах его характера и соответствующих этим чертам принципах поведения, то, что иногда называют «обыденной», или «имплицитной», теорией личности.

У каждого отдельного человека эта система, надо полагать, отражает в основном определенные коллективные, присущие данной конкретной культуре представления о человеке и индивидуализируется, «шлифуется» и уточняется под воздействием личного жизненного опыта. В самом деле, если бы такая «имплицитная теория» не имела никакой связи с культурой, то адекватное взаимопонимание между людьми было бы невозможно, как было бы невозможно, например, речевое общение, если бы каждый пользовался своим собственным языком. Однако использование общепринятого языка отнюдь не исключает существования индивидуальных различий в лексике и стиле. И наоборот, «имплицитные теории» значительно различаются в сравнительно-культурном плане. Это касается не только этносоциального, но и классовых и других (возрастных, например) субкультур. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что функционально равнозначные понятия, как, например, «вежливость», «гостеприимство» и т. п., в разных культурах имеют разный, иногда прямо противоположный, поведенческий контекст.

На мой взгляд, описание и исследование этнокультурных представлений о человеке может быть одним из перспективных направлений в исследовании этнических аспектов духовной культуры. Насколько можно судить по отечественной и зарубежной литературе, названное направление является почти совершенно неразработанным. И на это есть ряд причин, из которых две, по-видимому, наиболее существенны. Во-первых, явление «казуальной атрибуции» было обнаружено относительно недавно, примерно в первое послевоенное десятилетие, и еще недостаточно детально изучено. Во-вторых, сам процесс приписывания человеку определенных качеств настолько естествен, привычен, что протекает в обычных условиях без прямого участия сознания. Он так же автоматичен, как, например, процесс дыхания, ходьбы или речь. И так же, как в этих последних случаях, сознательный контроль может иногда затруднить атрибуцию, или сделать ее совсем невозможной. Отсюда и

² См., например, Межличностное восприятие в группе. М.: МГУ, 1981, с. 35 сл.

чрезвычайная сложность конкретного сравнительно-культурного изучения этого явления. Даже если исследователю придет в голову спросить о причинах тех или иных суждений о человеке, то информатор вряд ли будет в состоянии отчетливо и последовательно ответить на этот вопрос. Тем не менее изучение этнических особенностей психологического контекста и принципов повседневного поведения возможно хотя бы приблизительно в той же мере, в какой возможно, например, изучение лексики и грамматики языка.

В названной области могут изучаться как исторические формы и этапы развития психологических представлений в этнических культурах, так и сами способы усвоения указанных представлений в процессе социализации в конкретной этносоциальной среде (не последнюю роль здесь могут сыграть исследования по этнографии детства). Но, видимо, основной задачей, без которой невозможно формулировать другие, является определение и содержательное изучение структуры «имплицитных теорий личности». Но пока здесь можно лишь ставить вопросы. Каков общий объем и функциональный характер используемых в данной культуре качеств личности? Каков объем и характер активно используемых качеств? Известно, например, что в русском языке существует около 1500 слов, обозначающих человеческие качества³, но, как показывают предварительные исследования, активно используются лишь около 267 слов⁴.

Ответы на эти вопросы дадут возможность сравнить, насколько важным в разных культурах считается вообще проявление человека как личности и, следовательно, насколько высока в той или иной культуре потребность понимать и принимать в расчет личность человека. Тесно связаны с этим вопросы о пределах личной автономии и о характере взаимоотношений в разных культурах. Например, по наблюдениям Э. Т. Холла, «в Японии человек должен „принадлежать“ (к какой-либо группе.— *И. К.*), иначе он не имеет определенности»⁵.

Важно также выяснить, какие качества для данной культуры являются ключевыми, существенными, а какие периферийными, ситуативными. Как кажется, этот вопрос непосредственно связан с проблемой адаптивности культур. Адаптивность — не просто способность к выживанию в новых условиях. Это универсальное свойство любой системы сохранять в новых условиях свою определенность, целостность, свои существенные характеристики. Если для человека такой существенной характеристикой является его самосознание как носителя определенных идеалов, ценностей, то адаптивным будет не просто его выживание как организма, а поддержание этих идеалов даже ценой жизни. По тому, каким путем идет процесс адаптации, можно судить о существенных характеристиках системы. Что же касается культуры, то, учитывая, какие виды деятельности и формы социальной организации она усваивает в новых условиях, можно выделить ее существенные характеристики. И наоборот, зная основные параметры, в частности определяющие человека, можно сделать выводы о направлении процесса адаптации культуры в новых условиях. Короче, чтобы судить о выживании культуры, необходимо знать, в каких терминах культура определяет жизнь.

Для описания «имплицитной теории личности» важно также определить внутреннюю взаимосвязь используемых качеств, их группировку, порядок выведения одних качеств из других. Например, нам трудно представить, чтобы какие-то воинские качества совмещались с повышенной чувствительностью: в нашем представлении воин вряд ли заплачет, а тем более упадет в обморок. Но вот в «Песне о Роланде» это — нормальное поведение героя. В одних культурах у человека, ведущего себя

³ Социальная психология. М: Политиздат, 1975, с. 39.

⁴ См. *Бизюк А. Л.* К вопросу о структурировании понятия о другом человеке.— В кн.: Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми. Л.: ЛГУ, 1970, с. 31.

⁵ *Ной Е. Т.* Beyond Culture. N. Y., 1967, p. 55.

• откровенно и естественно, принято предполагать доброту и честность, в других — хитрость и коварство⁶.

Разумеется, исследование этнокультурных психологических представлений будет неполным без учета нормативных представлений о качествах, присущих человеку данного пола, возраста, статуса, о чем говорил И. С. Кон. Хотя надо сказать, что в этом случае простое перечисление качеств вряд ли будет достаточным. Здесь особенно важно изучение тех или иных качеств в поведенческом контексте. Видимо, в любой культуре в супругах предполагается любовь друг к другу, однако диапазон действий, принятых для обозначения любви, настолько широк, что, как показывают исследования, супруги из разных этнических групп на первых порах испытывают значительные затруднения в правильном понимании поведения друг друга: уважительное поведение прочитывается как безразличие, страстность — как развращенность и т. п.

По-видимому, для предварительного, по крайней мере, изучения перечисленных выше вопросов нет необходимости проводить специальные конкретные исследования. Более того, до всякого конкретного исследования необходимо организовать в некоторой новой структуре уже имеющийся богатый этнографический материал, непосредственно или имплицитно содержащий народные психологические представления, как прошлые, так и современные. Только после этого можно сформулировать сколько-нибудь обоснованные гипотезы для дальнейшей работы.

Вычленение и исследование этнокультурных представлений о психологии человека как в историческом, так и в сравнительно-культурном плане может стать чрезвычайно полезным и в познавательном, и в практическом отношении. Здесь можно получить сведения о той сфере духовной культуры этноса, которая непосредственно связана с повседневной деятельностью людей и которая, следовательно, постоянно актуализируется, воспроизводится, а значит, относительно устойчива.

Надо полагать также, что изучение этнокультурных психологических представлений во многом поможет уточнить вопрос о действительной природе и границах существования «национального характера».

⁶ Holl E. X. The Silent Language. N. Y., 1959, p. 15.